

Глава 2. Противостояние. Красота — дефицитный ресурс, особенно красота высшей пробы.

—
Мужчину средних лет звали Чжао Цинлун. Изначально он занимал должность заместителя начальника отдела продаж недвижимости в корпорации Хэ Групп, а позже был переведен на пост начальника отдела маркетинга в дочернюю компанию по производству медицинского оборудования. Он по праву считался ветераном фирмы.

Как правило, для старожилов на подобных должностях мелкие махинации и запуск руки в общий котел были делом привычным. До тех пор, пока это не наносило серьезного ущерба компании, руководство внутри структуры предпочитало закрывать на это глаза.

К несчастью для Чжао Цинлуна, его жадность не знала границ. Он не только похитил крупную сумму из государственных средств, но и, не устояв перед соблазном, попытался продать секретные научно-технические разработки компании ради собственной наживы.

Когда все тайное стало явным, он планировал забрать деньги и пуститься в бега, однако Фан Чжиюй напрочь перекрыл ему все пути к отступлению. Тот не смог даже выбраться за пределы Тяньцзиня!

Все эти дни он в страхе и депрессии прятался по крошечным дешевым гостиницам. Оказавшись в безвыходном положении, он прослышал, что Хэ Цзяньчжан лежит в этой больнице, и тайно пробрался сюда, надеясь вымолить себе прощение. Но Фан Чжиюй перехватил его прямо на месте.

Преступление, которое он совершил, не было рядовым проступком. Стоило ему услышать слова Фан Чжиюя, как его лицо вмиг стало мертвенно-бледным:

— Ты не можешь так поступить... У тебя нет на это права! Я хочу видеть председателя Хэ! Отпусти меня!!

Фан Чжиюй убрал ногу с его плеча и сверху вниз посмотрел на него:

— Как ты думаешь, кто слил тебе информацию о том, что председатель Хэ находится именно здесь?

Чжао Цинлун опешил, и лишь в это мгновение до него дошло, что он угодил в искусно расставленный капкан:

— Это ты? Ты сделал это намеренно?!

Фан Чжиюй одобрительно кивнул:

— Не такой уж ты и тупой. Остальное время проведешь в тюрьме, там и порефлексируешь над своим поведением.

— Ты не имеешь права так поступать! Я тридцать лет верой и правдой пахал на благо Хэ Групп! Если не за заслуги, так хотя бы за былые труды прояви милость! — в панике закричал Чжао Цинлун. — Председатель Хэ не может быть настолько безжалостным! Ты не имеешь права...

— Имею.

Фан Чжиюй мягко оборвал его. Он по-прежнему сохранял царственную осанку, холодным

взглядом взирая на мечущегося в панике Чжао Цинлуна, и в его глазах не было ни капли сострадания.

— И ты прекрасно знаешь, что имею, иначе не стал бы так рисковать и приходить сюда, верно?

Чжао Цинлун лишился дара речи. Он действительно знал это, потому и явился сюда, надеясь поставить всё на кон в этой азартной игре.

Последние два года Фан Чжюй хоть и занимал пост вице-президента, но Хэ Цзяньчжан очевидно и намеренно передавал ему всю полноту власти. За исключением отдельных вопросов, требующих решения совета директоров, практически все внутренние дела конгломерата, от мала до велика, находились под его единоличным контролем.

До Чжао Цинлуна наконец дошло, что он окончательно загнан в угол. Человек перед ним держал в руках вопрос его жизни и смерти. Перед Фан Чжюем он был абсолютно беспомощен, и у него не оставалось иного пути, кроме как молить о пощаде.

— Я... я... — Чжао Цинлуну наконец стало по-настоящему страшно. Он судорожно сглотнул и выдавил из себя несколько слезинок, пытаясь пробудить в Фан Чжюе каплю жалости. — Я пошел на это от безысходности! У меня престарелые родители и маленький ребёнок, я сделал это ради них, ради того, чтобы моя жена и дочь могли жить в достатке! На меня просто на мгновение нашло затмение! Проявите великодушие, примите во внимание мои долгие годы преданной службы корпорации, пощадите меня на этот раз!

— Ради жены и дочери? — Фан Чжюй словно услышал самую смешную шутку в мире, и на его губах заиграла полная сарказма усмешка. — А твои жена и дочь знают, что на стороне у тебя подрастает сын, который уже ходит в начальную школу?

Чжао Цинлун вздрогнул и выпалил:

— Откуда ты... откуда ты это знаешь?!

— Я знаю гораздо больше, чем ты можешь себе представить, — его тон оставался ровным, но в глазах сквозило неприкрытое отвращение. — Мужчинам, которые не способны контролировать нижнюю половину своего тела, действительно лучше остаться без потомства.

Хэ Синчжоу: «...»

Эта фраза про «остаться без потомства» была произнесена негромко, но прозвучала для него как гром среди ясного неба!

«Какая же он все-таки злопамятная и мстительная натура», — мысленно восхитился Хэ Синчжоу. Впрочем, так оно и правильнее, с подобными подонками действительно нечего церемониться.

Чжао Цинлун от слов Фан Чжюя едва не прикусил собственный язык. Он поспешно принялся извиняться и выкручиваться:

— Директор Фан! Директор Фан, у меня язык без костей, я только что сболтнул лишнего! Вы человек широкой души, не судите меня строго, я признаю свою вину! Пощадите меня в этот раз, отныне я буду беспрекословно следовать за вами и ловить каждое ваше слово...

— Поздно, — Фан Чжюй остался глух к его мольбам. — На данном этапе твое признание уже

ничего не изменит.

Дыхание Чжао Цинлуна перехватило, он уставился на него с полным неверием:

— Ты действительно настолько бездушен?!

Фан Чжиюй:

— Человек всегда должен платить по счетам за свои ошибки.

— Я не совершал ошибок!

Жестокая непреклонность Фан Чжиюя лишила Чжао Цинлуна последних аргументов. Мышцы на его лице судорожно задергались, взгляд, устремленный на юношу, налился бешеной ненавистью, а выражение лица стало пугающе свирепым:

— Я столько отдал этой компании, а вы меня ни во что не ставили! Но не радуйся раньше времени! Ну и что с того, что ты дорвался до кресла вице-президента? Для этой семьи ты всё равно остаешься чужаком!

— О? — Фан Чжиюй приподнял бровь, демонстрируя полную готовность выслушать продолжение.

— Стоит сыну председателя Хэ вернуться, и тебе придется послушно освободить место! — злорадно захохотал Чжао Цинлун. — Как бы усердно ты ни старался, ты лишь таскаешь каштаны из огня для других! Я слышал, что молодой господин Хэ — парень с крутым норовом, так что жди, скоро он вышвырнет тебя из Хэ Групп как паршивую собаку!

Хэ Синчжоу: «...»

Когда ты мирно жуешь попкорн и внезапно становишься главным героем чужих сплетен — это вызывает легкий ступор.

Этот придурок вообще его знает? Несет тут какую-то херню на ровном месте!

Хэ Синчжоу мог дать зуб: внутри корпорации, за исключением узкого круга высшего руководства, которое близко общалось с их семьей, рядовые сотрудники вообще не имели представления о том, как он выглядит.

В прошлом Хэ Цзяньчжан был вечно завален работой, а мать Хэ Синчжоу рано ушла из жизни. Чтобы позаботиться о внуке, дедушка и бабушка по материнской линии забрали его к себе, и в Тяньцзинь он вернулся только после выпускного класса старшей школы. Сразу после этого он поступил в Цзиньчэнскую академию кинематографии, так что дома бывал крайне редко.

Слушая, как Чжао Цинлун плодит о нем нелепые слухи, Хэ Синчжоу находил это даже забавным, но выходить из своего укрытия и вмешиваться не стал. Ему было гораздо интереснее посмотреть, как на эту примитивную психологическую атаку отреагирует Фан Чжиюй.

Фан Чжиюй не стал сразу опровергать слова Чжао Цинлуна. Тот решил, что наступил на его больную мозоль, и залился торжествующим хохотом:

— Что, прикусил язык? Страшно стало? А я-то думал, ты действительно ни черта не боишься, а на деле оказался обычным трусом, который может только слабых пинать...

— Заткнись!

Прежде чем Фан Чжияюй успел открыть рот, инициативу перехватил телохранитель. Он грубо схватил Чжао Цинлуна за волосы, вздернул его голову вверх и размашистым ударом отвесил ему такую пощечину, что у того вмиг распухли губы.

— Ах ты, сука, жить надоело...

Договорить Чжао Цинлун не успел — телохранитель вlepил ему еще парочку увесистых затрещин, отчего у мужчины загудело в голове, и он наконец прикусил язык.

Убедившись, что буян притих, телохранитель повернулся к Фан Чжияюй:

— Директор Фан, у этого ничтожества грязный рот, не принимайте его бредни близко к сердцу.

Фан Чжияюй махнул рукой, показывая, что ему плевать.

Он перевел взгляд на избитого Чжао Цинлуна, в глазах которого все еще горели обида и злоба:

— Благодарю за излишнюю заботу, но вынужден тебя огорчить. Кресло генерального директора Хэ Групп принадлежит мне. И Хэ Синчжоу — тоже мой. Так что в дела нашей семьи посторонним совать нос не стоит.

Договорив, он слегка качнул головой в сторону и холодно скомандовал телохранителю:

— Уведи его.

Наблюдавший за всем этим от начала и до конца Хэ Синчжоу: «...»

«С какого это перепугу мы вдруг стали одной семьей? Мы вообще-то еще даже не женаты!! И что, черт возьми, значит «Хэ Синчжоу — тоже мой»?! Для заявления прав на собственность вообще-то требуется согласие второй стороны, ясно вам?»

Видя, что они собираются уходить, Хэ Синчжоу неосознанно поймал взглядом силуэт Фан Чжияюя.

Тот словно почувствовал на себе чужой взор. Проходя мимо кустов, он слегка повернул голову в его сторону.

Именно в это мгновение Хэ Синчжоу смог впервые рассмотреть его лицо целиком.

Черные как смоль волосы, белоснежная кожа, тонкие губы бледного оттенка. Линия от виска до подбородка казалась безупречно высеченной искусным скульптором. Ослепительные лучи солнца немного размывали резкость его взгляда, но не могли скрыть эту захватывающую дух красоту.

За годы работы в шоу-бизнесе Хэ Синчжоу повидал немало признанных красавцев и красавиц, да и сам в этом плане был далеко не на последнем месте. Но даже при всем этом, впервые увидев лицо Фан Чжияюя без преград, он на секунду потерял дар речи.

Красота — дефицитный ресурс, особенно красота высшей пробы.

Он ни на секунду не сомневался: будь здесь Чэнь Юньси, она бы расшиблась в лепешку, но попыталась бы подписать с Фан Чжияюем контракт.

Вспомнив об их помолвке, Хэ Синчжоу ощутил странный укол волнения внутри: «Он узнал меня? Что он скажет? Стоит ли мне поздороваться?»

В его голове за долю секунды пронеслась куча мыслей, однако Фан Чжиюй с совершенно равнодушным видом отвел взгляд и, больше не оборачиваясь, ушел прочь вместе со своим человеком.

Хэ Синчжоу: «...»

Только когда шаги стихли, Хэ Синчжоу вспомнил, что на нем вообще-то надеты бейсболка и защитная маска. Он коснулся козырька кепки и беззвучно выругался: «Ну ни хера себе».

Оставаться в саду больше не имело смысла, и он быстрыми шагами направился внутрь больничного корпуса.

Хэ Цзяньчжан занимал VIP-палату на самом верхнем этаже. Стоило Хэ Синчжоу подняться туда, как сквозь приоткрытую дверь до него донесся зычный, полный сил голос старика. Тот ни капли не походил на больного помирающего человека.

Ну конечно, старик просто симулировал, чтобы заставить его подчиниться.

Хэ Синчжоу толкнул дверь. Разговор внутри палаты мгновенно прекратился, и присутствующие повернули головы к вошедшему.

Он стянул маску и обратился к сидящему на кровати Хэ Цзяньчжану: «Отец», после чего кивнул стоящему рядом мужчине: «Дядя Лю».

Дядя Лю в молодости работал личным водителем Хэ Цзяньчжана, а позже стал управляющим в доме Хэ. Можно сказать, Хэ Синчжоу вырос на его руках. Увидев парня, дядя Лю расплылся в улыбке и приветливо помахал рукой:

— Синчжоу вернулся! Проходи скорее, проходи.

А вот Хэ Цзяньчжан при виде сына тут же напустил на себя суровость:

— И зачем это ты притащился?

Хэ Синчжоу прошел к дивану в глубине комнаты, вальяжно развалился на нем, закинув ногу на ногу, и, сняв кепку, небрежно отбросил её в сторону:

— Вернулся, чтобы жениться. Вы ведь меня уже продали, не так ли?

Хэ Цзяньчжану такое заявление пришлось не по нраву, и он фыркнул:

— Что за чушь про «продали»? Ты что, думаешь, ты так дорого стоишь?

— Разумеется, — парировал Хэ Синчжоу. — Мой съемочный день стоит два миллиона восемьдесят тысяч юаней. Я безумно дорогой.

Хэ Цзяньчжан: «...»

Дядя Лю, который как раз вышел из примыкающей чайной комнаты с чашкой свежесваренного чая, услышал эту реплику и не удержался от смешка:

— Ого, впечатляет, впечатляет. Похоже, в будущем нам со стариком придется жить на твоём обеспечении.

— Без проблем, — Хэ Синчжоу принял чашку. — Спасибо, дядя Лю.

— Твои два миллиона — это разве деньги? Какая близорукость! — принялся отчитывать его Хэ Цзяньчжан. — Вот если бы ты согласился вернуться и возглавить семейное дело...

— Мне не интересно наследовать семейный бизнес, — ледяным тоном оборвал его Хэ Синчжоу.
— Моя нынешняя работа меня полностью устраивает, менять сферу деятельности я не планирую.

— Это называется не сменить сферу деятельности, а вернуться к своим прямым обязанностям!
— Хэ Цзяньчжан схватил лежащую рядом подушку и зашвырнул её в сына.

— Моя главная обязанность — быть актером, и я не покину индустрию, — Хэ Синчжоу ловким движением поймал подушку на лету и засунул её себе под спину. — Подумаешь, женитьба. Ладно, женюсь. Какая разница, с кем делить постель и штамп в паспорте.

— Не строй из себя невинную жертву, которой нанесли кровную обиду! — Хэ Цзяньчжан заговорил тоном умудренного опытом наставника. — Чжиюй — ребенок моего старого друга, он столько лет проработал под моим началом, я знаю его как облупленного. Этот мальчик не только обладает выдающимися способностями в бизнесе, он к тому же невероятно послушный, покладистый и воспитанный. То, что он согласился связать с тобой жизнь — это ты, паршивец, просто вытащил счастливый билет.

Хэ Синчжоу: «...»

Послушный и покладистый?

В голове у Хэ Синчжоу тут же всплыла недавняя картина, где Фан Чжиюй одним точным ударом ноги впечатал мужика в землю. Он с глубоким сомнением уставился на отца:

— Послушный и покладистый? Отец, ты на старости лет ослеп? Ты вообще видел, как он распускает руки? Я теперь всерьез опасаясь, как бы после свадьбы не стать жертвой домашнего насилия.

Хэ Цзяньчжан нахмурился:

— Что за бред ты несешь?

— Да если не веришь, я сам лично видел! Он его одной левой...

Тук-тук

Внезапный стук в дверь оборвал их препирательства.

Хэ Синчжоу вскинул голову. Сначала он увидел силуэт высокой, стройной фигуры в дверном проеме. Взгляд скользнул выше, выхватывая изящную линию подбородка, затем тонкие, нежно-розовые губы и, наконец, глубокие, черные спокойные глаза.

Это был Фан Чжиюй.

Губы Хэ Синчжоу шевельнулись, и он послушно проглотил остаток фразы. Оставалось только

гадать, услышал ли этот человек его недавние излияния.

Хэ Цзяньчжан при виде Фан Чжиюя сразу же расплылся в благодушной улыбке:

— Чжиюй, ты вернулся! Всё уладил? Сам-то не пострадал?

— Всё улажено, — Фан Чжиюй прошел внутрь палаты. — Простите, председатель Хэ, что этот инцидент потревожил вас.

— Главное, что ты цел, а остальным пусть теперь занимается полиция, — Хэ Цзяньчжан махнул рукой, закрывая тему. — И перестань звать меня председателем, в детстве ты ведь звал меня дядей Хэ.

Фан Чжиюй с легкой полуулыбкой перестроился:

— Дядя Хэ.

— Вот и славно! — рассмеялся старик и поспешил представить сына: — Кстати говоря, это мой оболтус, Синчжоу. Только что прилетел из Ичжоу. Вы ведь еще не виделись, верно? Синчжоу, знакомься, это Чжиюй.

Фан Чжиюй перевел взгляд на диван. Хэ Синчжоу сидел в расслабленной, ленивой позе, на его лице блуждала улыбка, но он даже не подумал подняться, чтобы поприветствовать гостя. Несмотря на улыбку, в его глазах читался недвусмысленный, едва уловимый вызов.

Фан Чжиюй подошел ближе и с абсолютно бесстрастным лицом протянул руку:

— Здравствуйте. Я Фан Чжиюй.

Хэ Синчжоу не спешил отвечать на жест.

В его мыслях всё еще крутилась та фраза про «остаться без потомства», оброненная Фан Чжиюем во дворе. Осознание того, что ему предстоит связать себя узами брака именно с этим человеком, вызвало на его лице весьма двусмысленную гримасу. Он опустил взгляд на протянутую ладонь.

Кожа у Фан Чжиюя была невероятно бледной, напоминающей холодный белый фарфор, однако ногтевые пластины отливали здоровым нежно-розовым цветом. «У этого парня даже лунулы на ногтях идеальной формы, просто невероятно», — мысленно хмыкнул Хэ Синчжоу.

Он наконец соизволил подняться с дивана и вложил свою ладонь в руку Фан Чжиюя. Ладонь того оказалась прохладной — температура тела этого человека была такой же ледяной, как и его манеры.

— Привет. Рад нашей первой встрече. Я Хэ Синчжоу, — актер сделал выразительную паузу и, в упор разглядывая это безупречное, чересчур красивое лицо, с явной долей ехидства добавил: — Твой будущий муж.

Ему безумно хотелось увидеть реакцию Фан Чжиюя. Было любопытно, какое выражение появится на этом бесстрастном лице — раздражение? Обида? Неужели он, точно так же как и сам Хэ Синчжоу, просто стал безвольной пешкой в этой игре под названием «брак по принуждению»? От мысли, что они в одной лодке, на душе у Хэ Синчжоу даже воцарилось некое подобие... умиротворения.

Однако Фан Чжиюй не оправдал ни одного из его ожиданий. Он лишь спокойно встретил его взгляд и ровным голосом произнес:

— Не первая.

Хэ Синчжоу приподнял бровь:

— А?

Неужели тот все-таки узнал его на улице? Не успел он развить эту мысль, как Фан Чжиюй добавил:

— Мы уже виделись в прошлом.

В прошлом? Хэ Синчжоу на автомате уточнил:

— И когда же?

Тон Фан Чжиюя оставался предельно вежливым и мягким:

— В тот самый день, когда тебе было восемнадцать, и ты в слезах и с истерикой умолял отпустить тебя в академию кинематографии.

Лицо Хэ Синчжоу мгновенно окаменело: «.....»

«Мы же вроде как одна семья, с чего вдруг твои слова ранят так метко и больно?»

—

<http://bllate.org/book/17741/1659284>